

Такой азбуки мне встречать не доводилось. Я и представить себе её не могла бы даже в самых смелых мечтах. Это — как берёшь огромный, сочный, весёлый арбуз, с хрустом разрезаешь его, и оттуда выпадают вместе с мякотью букочки-семечки, самого разнообразного цвета и формы. И у каждой арбузной дольки — свой запах и свой вкус. Оттого и весело, хотя «Азбучное» Павла Рыкова (Оренбург), по большому счёту, скорее азбука для взрослых, и стихи из неё — нечто вроде азбучных истин веры, любви и жизни, а значит, поводов для веселья мало. Но это не просто подборка стихотворений, начинающихся с той или иной буквы русского алфавита (и, естественно, в алфавитном же порядке), нет, это целое и неразрывное единство различных тем: русская азбука пра-

вославия, азбука истины и морали, азбука семьи, азбука государства — да что там! Даже детская азбука и вкусная азбука! И все арбузно-азбучные дольки-стихи совершенно органично образуют невероятный и ароматный радужный арбуз важных и серьёзных истин — азы того, на чём держится человеческое общество. А поскольку азы эти обладают разным стилем и формой, разным ритмом и слоем лексики, принадлежат к разным направлениям и каждый относится к определённой тональности, напитан своим настроением, у автора получилась, как он сам это определяет, «ПоэМозаика» — яркий, многоцветный витраж. Всё-таки чувствуется такая вроде незаметная вещь, как образование: недаром Павел Рыков способен не только на лирические стихи и поэмы, но и на ско-

Светлана Скорик — поэтесса, автор и ведущая сайта «СТИХИ ПРО», объединяющего поэтов — прежде всего, русских и русскоязычных — с востока Украины.

морошины, на им подобные трюки совсем уж фантастического плана — такие, как его «Азбучное». Есть в этом элемент «действия», представление — жива режиссёрская жилка!

Весомая, значительная часть «азбучных истин» — конечно, азбука веры. Почему «конечно», спросите вы? Разве верую дышит наше постсоветское общество, наш давно уже распропагандированный и атеистический народ? Нет, но именно ею он держится, держится вкупе — как народ. Отыми у него сейчас эту веру, сплошь и рядом пропитавшую собой древнюю русскую культуру, народный фольклор, песни и сказки; избавь его от поверий, обрядов и общих праздников, веками, поколениями прадедов связанных с самой душой русской, со способом её мироощущения и ощущением себя в мире; разрежь все нити-путы — нет! — пуповины, сращивающие философию и космогонию русского сознания с религиозными понятиями долга, ответственности, совести, нравственности, понятиями такими древними, такими «отсталыми» и вечными... И что останется? Да ничего. Одни только брызги от арбуза, крошки от каравая, плевков и растёртое подошвами иноземных ботинок место, когда-то называвшееся страной. Вера Павла Рыкова — православие, но азбука его, тем не менее, — азбука веры вообще, азы религиозного взгляда на общество и человека, на маленькую ячейку общества — семью, и это очень важно для такой страны, как Россия, где разные народы, языки и религии держатся

вместе не насилем, не принуждением, а единым подходом к общечеловеческим ценностям.

Буква А, открывающая азбуку, — стон Пресвятой Богородицы, рождающей Сына Человеческого и Божьего, Спасителя и защитника нашего, Христа: «- А-а-а! — Пресвятая Дева кричала, рожая. // — Тужся же, тужся! — роженицу умолял обручник Иосиф». Как удачно, как естественно вышло, что уже самая первая буква многоцветной соборной азбуки веры — стон роженицы, общий для всех женщин мира... Маленькое стихотворение. Крошечное стёклышко от витража. А в нём — всё самое важное. Долг женщины — её ответственность за продолжение рода человеческого. Долг мужчины — быть главой семьи и опорой своего рода, продолжающегося в вечность. Восходящая над миром Звезда, чьи преломляющиеся лучи осеняют собою весь земной мир и все его народы, пребывающие под сенью разных религий, но под благословением одного Бога. И устремившиеся к рождению Нового Слова о справедливости пастухи и водоносы — простые, неграмотные люди из низов, жаждущие услышать Истину так, словно жаждут света и воды: «А в небе полночном Звезда расцвела. Её отражала // вода, что ввечеру принесли водоносы», «В ночи пастухи ликовали: над миром Звезда воссияла...» Буква А, первый лучик этой Звезды. И сложен-то он по большому счёту всего из четырёх кирпичиков поэтических средств выразительности: метафора «Звезда расцвела», короткий диалог двух

героев, всего на две строки, повтор «Тужься же, тужься!» и (самое главное) архаическое, торжественное звучание библейской церковнославянской лексики, все эти «ввечеру», «воссияла», «допреже» («Допреже неизвестную боль превозмогая») и «предвозвещено» («Разрешилась от бремени — как предвозвещено Гавриилом»). Вроде ничего особенного, но удивительно народно. При всей библейскости — истинно русское звучание. Ну а как же, на то и русская азбука! Рассказывать о ней? вернее, передавать самую суть того, что я в этой азбуке почувствовала, хочу не в алфавитном, а в логическом порядке. Так легче всё согласовать.

Ещё несколько букв — это уже не столько православие, сколько общие нравственные категории. И прежде всего — характерная особенность русского народа, его способ мышления: «авось», «а вдруг», «была не была». «Зегзица, глупая птица! Зачем мне сулишь невозможное? // Столько никто никогда не живёт...» И всё-таки — все мы вслушиваемся в арифметику ложную: «А вдруг повезёт? Господи! Вдруг повезёт!» Этот народный «наобум», азартный, задорный риск с призыванием имени Божьего и заключён в нескольких коротких стихах: «"Была-не-была" — вековечное русское наше присловье. // Живём, на Николу надеясь, на икону его крестясь. // И пред молитвою страх отступает...» А если без призывания? Если человек настолько уже заматерел в земном и грешном, что и Богом его не проймёшь, и совесть ему не указ? Не будет ли тогда хотя

бы страх полезен?.. Да какой там страх... «Где так болит? В какой такой душе? Я знаю печень, я с желудком дружен... А где душа, вместилище её? Всё это выдумки, поповские затеи». Как по мне, так только что процитированные строки из стихов на букву Г блестящи по уровню вживаемости в персонаж и отражения заскорузлости и предвзятости его мышления в вопросах, выходящих за грань того, что можно понюхать, ощупать и взвесить.

Удивительная вещь — сарказм. Автор ведь ничего специально не выдумывал, не изобретал. Он повторил то же, что говорят в таких случаях отчаянные пофигисты, плевать хотевшие на то, что будет за гранью смерти, потому что важнее — то, чем можно наслаждаться сейчас, а будет ли, не будет что-то «потом», не столь важно. А вдруг не будет? Авось не будет! И не понимает человек, что своим мышлением сам же создаёт себе большие проблемы. Нет, не «там» и не «потом», а здесь, сейчас, на земле. Ведь говорят же, что к подобному притягивается подобное — значит, заметил народ эту закономерность, оформил её в поговорку? Из той же области народной наблюдательности: «Рыбак рыбака узнает издалика», «Деньга к деньге липнет», «Не плюй в колодец» и т.д. Всё это — звенья одной цепочки причинно-следственных явлений, и если бы такой отрицающий всё «не прощупывающееся» человек, кроме желудка и печени, дружил хотя бы с элементарной логикой, он смог бы из подобных поговорок вывести вполне земной и

чётко действующий закон о зависимости твоей судьбы от твоего сознания и от твоих поступков, которые оно определяет. Уж наличие сознания-то и мышления никто не станет отвергать, хотя это такая же «тонкая материя», выражаясь фигурально, как и душа. «Вотще ты ропщешь на судьбу! // Она ли в бедах виновата, когда заплату за заплатой кладёшь на совесть!». Да ведь это же так очевидно: когда ты обижаешь более слабого, он, конечно, захочет выместить свою обиду на том, кто слабее его. Но эта цепочка действует всегда и в обратном направлении: именно потому, что ты применил свою силу сверху вниз, ты тоже получишь по башке в направлении сверху вниз — от более сильного. Это действует железно. То же в любой другой области: ты бросил — тебя бросят, ты предал — тебя предадут, ты не заметил, не оценил — и в отношении тебя проявят такую же близорукость... Таково колесо Судьбы.

Павел Рыков тем и берёт за живое в своём «Азбучном», что его поэзия растворяет в себе всех нас и выжимает наши мысли и слова в своей голой неприкрытости, отфильтровав самое главное, разве что чуть определённое, чуть твёрже и резче выражая то, что мы обычно скрываем за многословием или умолчанием. И в этом виде истина сразу бросается в глаза, тем более что она подкрепляется арсеналом из афоризмов, кольца (повторения в конце самых первых слов стихотворения) и другой художественной поэтической «эквилибристики». «Незнаема душа,

её неведом вид... Но почему она болит, болит?». И как ты будешь лечить то, существование чего сам отрицал, «поставив веру под сомнение»? Ведь, как метко сказал Павел Рыков своим одностиишем на букву Й (на неё много и не напишешь!): «Йодом не излечить истерзанную душу...» И таблетками не излечить, и алкоголем. И ничем другим материальным — тоже. Потому что подобное излечивается подобным, а значит «тонкая материя» (душа) врачуеться только «тонкой материей» (изменением своего мышления, и, следовательно, направления будущих поступков).

Хороши поэтические «азбучные истины» Рыкова ещё и тем, как по-русски смело сращивает, сталкивает он вместе, в одном стихотворении, слова и словосочетания церковные и ругательные, высокие, книжные — и народные, разговорные и применяет резкое сокращение или удлинение рифмующихся строк (гипо- и гиперметрию). Не отражается ли и в этом удаль и забубённость, отчаянность нашего русского «авось»? Так на то и русская азбука! «— Прости! — в Прощёную говорим мы субботу. — // А я тебя взаимозачётно прощаю! // Каяться на словах — велика ли работа? // Не каверзничать и злоязычить тебе обещаю. // Но как не сронить с языка худое словцо: // Не вслух, заглазно... Таки — не в лицо. // А там и парочку... А может, с десяток словечек — // Блекотящих, глупых, упрямых, бодливых овечек. // Сронили... Ах, сколько вослед, топоча, набежало овец... // Жди-дожидайся Прощёной суббо-

ты, подлец!» Поразительное богатство лексики: «Прощёная суббота» — вероятно, использованная вместо «вокресенья» тоже для сарказма и пущего подчёркивания нашей неграмотности в вопросах церковных — здесь запросто соседствует с прозой из канцелярско-финансового слоя речи «взаимозачётно» и с достаточно грубым «подлецом» (а в стихотворении «Была не была...» — с преисподней, «где бесы куражат, лакая зловонную грязь»), а уж разговорных-то словечек — целая россыпь: «блекотящих», «сронить», «топоча», «каверзничать»... Красочна всё-таки русская речь!

«Тишина...// Боже! Как не хватает нам всем тишины:// Просыпаешься — помнишь: слышны // В предрассветной загадочной мгле соловьиные трели... // А теперь мы — словно бы осатанели: // — Тыр-тыр-тыр! Трах-тах-тах! Гы-гы-гы! Ны-ны-ны! // Боже! Как не хватает нам всем тишины...» Камешек «поэмозаики» на букву «Т» — это уже переходный мостик от азов веры к азам согласия и добрососедства. Но и духовная составляющая здесь вполне заметна. И не потому, что её подчёркивает приём кольца с дважды повторённым (в начале и в конце) «Боже! Как не хватает...», а потому что тишина — это и есть наилучшее психологическое состояние для сбережения приподнятости духа, для сохранения радости от «мелочей жизни» (вроде ясного дня, красивого пейзажа, детского смеха, порхающих бабочек), для беседы твоей души с Голосом безмолвия (то, что и называется разговором с Богом, ведь Его

ответы появляются в твоей голове как бы «ниоткуда» и не обязательно выражаются чётко определёнными словами). Сохранить чистоту и прозрачность духа в «тыр-тыр», «трах-тах», «гы-гы» и «ны-ны», конечно, невозможно.

Если слегка отвлечься от духовного и всё-таки обратить внимание на поэтические «мелочи», то не могу промолчать о гипо- и гиперметрии, выраженных здесь ещё более явно, чем в предыдущем случае (взгляните на 2–3-ю и 4–5-ю строки), и усиленных за счёт сплошь «глагольной» третьей строчки и почти сплошь «прилагательной» четвёртой. И, конечно, об ономотопее (звукоподражании). Каждый новый камешек из азбучных истин — всё новые и новые поэтические «уловки», художественные средства для придания речи выразительности, яркости, многоцветности.

Чрезвычайно хорош камешек на букву Д. И само наблюдение-то за типичной житейской ситуацией умно и важно как для страны, так и для каждой её ячейки — семьи. Самые ответственные, крепкие, инициативные и умелые дети вырастают именно в тех семьях, где их, детей, много, во всяком случае — не один-единственный ребёнок. А уж художественных средств в этом — тоже небольшом — стихотвореньице никак не «раз-два и обчёлся». «Две девочки, словно бабочки, над цветами, // Что на асфальте цветными мелками// Нарисованы». Сравнение и анжамбеман (перенос «мелками / Нарисованы»).

«А остальные-то где?.. — Остальные? Да их не родили» — анадиплосис (подхват последних слов в начале следующей строки). «И не стремились, и не заводили, // Думая о чём угодно. Но не о судьбе. Зато теперь ни шума во дворе, ни гама, // Ни бега взапуски, ни трамтарарама» — полисиндетон (два случая многосоюзия: с союзами «и» и «ни»). То есть всё, что может послужить для усиления звучания, нагнетания атмосферы.

И вот, когда атмосфера уже накалена, она разряжается мрачной картиной преисподней, выраженной редким и ценным приёмом так называемого «остранения» (термин Квятковского из «Поэтического словаря»), т.е. описания человека, предмета или явления, как бы впервые увиденного со стороны свежим, неискушённым взглядом: «Всё благородно-чинно, как // В тех местах, где уготовано упокоенье, // Где неуместны шум, возня, движенье, // Только соскальзывание во мрак». И опять сочетание несочетаемого: ад — и плавное, тихое, спокойное «уготовано упокоенье»... Кстати, не лишне будет сказать и о прекрасной фонетике (звучании) «Азбучного». В «Была-не-была» встречалась интересная аллитерация «пекло пылает» (повторение комбинации рядом стоящих согласного и гласного звуков «пе» — «пы»). Здесь — «уготовано упокоенье» («уг» — «уп»). А в «Тишине» так и слышалось «ш-ш-ш!..» («Просыпаешься — помнишь: слышны»). И, конечно, неизменный рыковский сарказм: «чинно-благородно» идёт ещё от некрасовской сатиры и по-

этов-демократов «Сатирикона» в применении к пошлой мещанской и чиновничьей обывательской среде, где во главе угла неизменно стояла карьера, а не вопросы духовного воспитания (детей — тем более).

Завершает же азбуку веры великолепное хулиганское столкновение темы сотворения мира и христианского бессребреничества с современными терминами из финансово-делового мира цифр и наживы, а терминов — с разговорной лексикой: «Фотосинтез миру открыли учёные головы, // Понасочиняли по этому поводу // Уйму заумнейших диссертаций. // Сколько бумаги истратили — и не счесть, // Сколько ассигнований вложено и ассигнаций // Выплачено. А им какая оказана честь! // Создание же мира обошлось всем нам не накладно. // Свет Господь бескорыстно от Тьмы отделил. // К профессорам за советом отнюдь не ходил. // И хлорофилл изобрёл бесплатно». Вот такая интереснейшая выразительная каша заварилась: термины (фотосинтез, диссертации, ассигнования, ассигнации, профессора, хлорофилл), аллитерации («уйму заумнейших» и «ассигнований... ассигнаций»), анафора (единоначатие) «Сколько... Сколько...», гипо- и гиперметрия 6-й, 7-й и последней строки, анжамбеман (перенос «ассигнаций / Выплачено»), сочетание параллельного и перекрёстного способа рифмовки, высокая книжная лексика («оказана честь», «отнюдь») и убийственно сатирические разговорные «учёные головы», «понасочиняли», «уйму за-

умнейших». И не знаешь, чего здесь больше: насмешки над учёной заумью, когда «учёные головы» (и журналисты в том числе) даже в статьях, рассчитанных на самую широкую, массовую аудиторию, так и сыплют своей неудобоваримой тарабарщиной, и того более — англоязычными заимствованиями (словечки «когнитивный», «синергия», «транспарентный», «дизлайк», «хайп», «коворкинг», «лоукостер» — слышны на каждом шагу из любого массмедиа)? Или всё-таки важнее и ироничнее — уподобление бессребреничества Творца погоне за наживой среди финансовой элиты?

Мне же кажется, здесь просто проиллюстрирован очередной чётко работающий закон, который почему-то до сих пор не обрёл своего отражения в народных наблюдениях и поговорах. Закон цепочки. Бескорыстие, альтруизм, голый энтузиазм — работают только в цепочке. Как, например, в первых христианских общинах или как будет функционировать общество в — не будем уточнять, каком — грядущем. Ты бесплатно помог — я бесплатно помогла — он бесплатно помог и т.д. и т.п. Кстати, это прекрасно работает во всяких благотворительных акциях («зелёных», социальных и не только). Но разовыми акциями общество, насквозь прогнившее от эгоизма и жадности, не вылечить, а такое общество не может выращивать более благородных и чистых людей. И получается замкнутый круг. Павел Рыков, конечно, смеётся над нами, предлагая нам в идеалы даже

не Христа, нет, а нечто совсем уж несоизмеримое с нами — Причину мира, Абсолют, То, Что всегда есть, когда Его нет, и Что вечно созидает, разрушая. Но насколько же теплее, душевнее станет в мире, насколько же легче будет в нём всем нам жить, если цепочка будет действовать и в обыкновенном человеческом общении (исключая, конечно, сферу торгово-экономическую)...

Стихи на букву Ё — это единственное стихотворение, которое относится к азбуке детской. «Ёжик яблоко нашёл, // На иголки наколот // И скорей бежать в кусты — // В схрон для всякой вкусноты!» Четыре строчки, и всё. Но вспомните стихи Маршака и Михалкова, на которых все мы в детстве росли. В них тоже было четыре строчки, но как сладко было их повторять и запоминать... И в этом стихотворении есть то драгоценное звучание, из-за которого стихи хочется запомнить: ароматная детская разговорная «вкуснота» и две полнозвучные, яркие аллитерации, которые дети прямо обожают: «скорей» — «схрон» (скр-схр) и «всякой» — «вкусноты» (вск-вкс). Обожают, потому что это тоже элемент игры — игра со звуками, перемена их местами, замена на более звонкую или более глухую. Дети это прекрасно чувствуют и сами применяют в дворовых считалках.

Я как-то использовала «схрон» в стихах о природе, и мне указали на якобы недопустимость отделения этого слова от темы «лесных братьев» Западной Украины времён окон-

чания Великой Отечественной войны. Да полноте, это слово бытовало распрекрасно и до войны, и сейчас существует, вне всякой привязки к политике! И пользуются им не только на Украине, но и в южных областях России, в том числе в казачьих краях. В нём же чётко прослеживается русская основа «хран/хрон» — «схоронить».

Великолепны стихотворения из русской азбуки Павла Рыкова, принадлежащие к категории «любофф...». Здесь всё: мягкая улыбка и едкая насмешка, высокая романтика чувств и замечательные жизненные наблюдения из области нравов, осмысление библейских ситуаций в современности и удачно замаскированное литературное хулиганство. Вот стихи на букву Ж. «Женщина суетна, изворотлива, кокетлива сверх меры, // Дозволяя мужчинам считать себя бестолковой, // А мужланам — думать, что только они умны». Что — не суетна (в подавляющей массе)? Не держит в голове тысячи разных мелочей, на что мужчина не потратит и грамма своего серого вещества? Не кокетлива, как тысяча чертей (опять же — говорю о подавляющем большинстве)? Не изворотлива, подобно ужам, в любой ситуации (а уж это-то присуще нам всем!)? Вот разве что «дозволяют считать себя бестолковой» далеко не все. Те, что бестолковы, они и в себе-то эту чёрту не замечают, и в отношении к ним мужчин не заметят. Тем более что многим мужчинам нравится, когда женщины чуть глупее их, можно снизить до покровительства. Честно гово-

ря, что-то вроде покровительства, какая-то надёжная моральная поддержка действительно нужна, и не только тем, кто «дозволяет считать». Но те, кто позволяют, т.е. ведут себя «под глуповатую» специально, — это современные Далилы, и цель у них при этом та же — опутать и остричь. К сожалению, именно такие обычно кокетливы, изворотливы и настолько обворожительно женственны, что не могут не пленить. «И это ей удаётся. Тому библейские есть примеры. // Умотать мужика. И когда он нырнёт во сладкие сны, // Наготове ножницы для стрижки овец. И — готово: // Кудри острижены». И не только кудри, замечу, но и кошелёк. Сейчас уже не принято идти на такие игры во имя чего-то или кого-то, цель всегда строго утилитарная, примитивная. Или деньги, или — чаще — нужен «добытчик» для семьи, потому как на одну зарплату семью не прокормить. «Далила смотрит в зеркало и гордится собой — // Она умна и обкорнала того, которого победить нельзя. // А мужлан в тоске бьётся о камень остриженной головой». Какое смелое — напролом — сталкивание лексики! Разговорные, хлёсткие «умотать» и «обкорнать», архаичные «дозволять», «во сладкие сны», «мужлан». И тут же — суперсовременная т.н. новая рифма (разноударная): «во сладкие сны» — «острижены». И современная гипометрия — укорочение строки. Как звонко, играючи пишет поэт, какое богатство речи и поэтических средств — невозможно не восхититься... Всегда ли женщины «обкарнывают»? Всегда ли муж-

чина «бьётся в тоске»? Нет, конечно, особенно вначале, когда царит романтика. «Шорох шёлков, ниспадающих с плеч. // О, полусумрак! Ты что-то сказала? // Губы... И полубезумная речь... // Пламя свечи отразилось в бокалах. // Струйка — один за одним пузырьки. // Холод шампанского. Прикосновенья».

Здесь, конечно, не игра, чувствуется подлинная страсть, безумное увлечение. Может быть, даже любовь, ведь иногда бывает и так, что люди не мыслят своё существование друг без друга до конца дней, а только это и стоит называть любовью. Но чаще — просто обоим хочется любви: «Шорох шёлков никогда не забыть. Сумрак. Шампанское. Время любить». Чувствуете шаманство звука «ш-ш-ш», как в «Тишине»? И эти отрывистые назывные предложения: «О, полусумрак!.. Губы... И полубезумная речь... Холод шампанского. Прикосновенья»... И неявное, скрытое за творительным падежом существительного, но такое удачное сравнение: «Птицей ночной отлетают мгновенья». И это блестящее соединение всех человеческих чувств в одно: осязание («прикосновенья», «губы»), вкусовые ощущения («Струйка — один за одним пузырьки. Холод шампанского»), слух («шорох шёлков», «Ты что-то сказала?»), зрение («О, полусумрак!», «Пламя свечи отразилось в бокалах», «мановенье руки»). Стихи такие тёплые, человеческие, я бы сказала, врачующие. Разве плохо, когда хочется любви и с тобой с готовностью стремятся разделить это чувство? А вдруг всё совпадёт? А вдруг?..

И знает ведь женщина, что следует за периодом романтики, не раз её сбрасывали с любовных небес! «— Любовь? Да полно вам! Зачем разэтакая мука? // Она слабеющую руку // Вздымает, чтоб глаза прикрыть от жалящих лучей. // Но как журклив ручей его речей...» «Разэтакая», «да полно» — сталкиваются камешки поэмозаики из простонародного, разговорного слоя с велеричивым «вздымает» — и высекают искру из сердца. А тут ещё «жа-жу» («жалящих» — «журклив»), «руч-реч» («ручей речей»), да и если попристальнее глянуть на это весьма колоритное «журклив», вмещающее в себя от широты сердечной сразу и «журчание», и журавлиный полёт прорвавшихся эмоций, и печаль, томление от одиночества («журливый» — по-украински «печальный»), — какой наплыв искушающих звуков обнаружится, какая хлынет волна чувств, целый прибой! Я сама люблю иногда ненароком вернуть в стихи украинское слово, которое не значением, а просто звучанием как нельзя лучше помогает впечатлению и передаёт именно то, что нужно, хотя имеет совершенно другой смысл. Не знаю, что за свойства заложены в близких языках, но они иногда при взаимодействии способны творить то, что без этого взаимодействия нипочём не получилось бы. Эстеты от литературы, патриоты родного языка могут за это и высечь, но человек тонко чувствующий, без ограничительных рамок в голове, способен ощутить эту потрясающую прелесть, происходящую от содружества близко

звучащих слов. В ней есть какое-то колдовство, шаманство, если хотите. Любить или не любить? И верит, верит прельстительнейшим словам: «— Как без любви? Я за неё, что просят, всё отдам...» И ведь, вполне возможно, говоря так — мужчина вполне искренен! Он же не знает, как потом его будет тошнить от ласковых, тонких, прекрасных рук, которые сейчас он готов целовать, какая возникнет досада от лицемерия тихой сияющей улыбки, от которой в это мгновение кружится голова, как надоест ему родная прилепившаяся душа, поверившая ему безгранично, надоест просто потому, что надоедает и всё прекрасное, к нему тоже привыкаешь, а что может быть ужасней привычки! И тут уж не до справедливости, заслужила женщина такое отношение или нет. Люди готовы сменить и шило на мыло, лишь бы разнообразить свою жизнь, испытать эйфорию приключения, перемен. «Перемен, мы хотим перемен!» — пели перед развалом Союза. «Перемен, я хочу перемен!» — тихо скулит сердце слишком привыкшего к хорошему, и человек не выдерживает, со вздохом облегчения устремляясь навстречу эйфории новой влюблённости... Обычно — кратковременной. А к старому — возврата уже нет, у обоих за это время всё перегорело — до обугленных головешек. Но — остаться одному?.. Немыслимо. «Жил себе, жил... Вдруг оно налетело, // Ум твой играючи одолело, // Всею душою твоей овладело // И... отступило. И нет никого. // И — ничего». И остаются «только умные

речи... и одиночества кандалы», которые человек готов с облегчением сбросить, если попадётся навстречу любая симпатичная мордашка. Но и женщины совсем не готовы тащить кандалы одиночества, потому что — что уж там скрывать! — жить засохшим чёрствым коржилом, проще сказать сухарём, слишком противно, и сердце разрывается от желания быть кому-то нужным. Так уж устроены женщины. Жить только для себя любимой — на это способны лишь Далилы, а по большей части мы, женщины, страшно страдаем тогда, когда живём только для себя, даже если у нас всё в порядке с работой и карьерой. Помните чеховскую «Душечку»? Если отбросить то, что героиня этого рассказа жила исключительно интересами мужа, не имея своих, мы увидим, что в этом сюжете заключена огромная жизненная правда. У современной женщины обычно почти всегда есть и работа, и профессиональные вершины, и свои увлечения, но при этом она остаётся внутри, в душе, всё той же Евой, которую Бог сотворил из ребра Адама, и ну просто не может она существовать одна. Чисто психологически не может, без всяких там задних мыслей. Без нежных чувств она сразу вянет и превращается в сушёную воблу, а если чувствует свою необходимость для какой-то другой души, расцветает подобно лилии — в любом возрасте.

Заканчивая рассматривать азбуку любви и азбуку пола, которой нас так пленительно обольщал автор, хочу продемонстрировать его по-

разительную находчивость, с какой он сумел выбраться из необходимости сочинить стихи, начинающиеся на твёрдый знак. Ведь фактически это невозможно. Ан нет, только не для него! И Рыков — где наша не пропадала! — совершает совершенно хулиганский фортель. Посмотрите на его двустиише: «Ъ — знак твёрд. И твёрдостью своей // Он женщинам всего милей!». Я думаю, нет нужды объяснять, всем и так всё понятно. Но ведь весело! Это же тянет на готовый афоризм. Прочитайте при случае друзьям и подругам — такие вещи сразу пойдут в народ как крылатые фразы. Они короче и ядрёней любого анекдота.

«Так ведь ещё и Ы есть, — подскажите вы, — как с нею быть?» А вот, пожалуйста: держите с пылу, с жару ещё один немислимый закидон: «-Ыых! — // Только и скажешь, когда тебе врежут под дых...» И всё, короче не придумаешь.

Где-то на грани с азбукой пола стоит стихотворение на букву Щ — вкусная азбука, жаль, что ограничивающаяся, как в случае с детской азбукой, только одной буквой. «Щи, милая моя! Свари мне это чудо, пожалуйста! — отвесил я поклон». Кто придумал этот рецепт, какому народу принадлежит это аппетитное кулинарное открытие, задумывается поэт. Может, щи «открыли» ещё тысячелетия назад, в Древнем Вавилоне? И — вот удивительно! — перекидывает мостик к теме гражданской, патриотической. «Но если б в Вавилоне щи варили // И наслаждались щами не спеша, // Тогда бы те, кто

Башню возводили, // Не разбежались, языки смешав». Нам было слишком хорошо при т.н. застое, так хорошо, что мы вошли во вкус и захотели всего и сразу. Устойчивой обороноспособности, растущих мощностей производства, лучшей в мире системы образования, бесплатной медицины и платьев от кутюр. Подайте на блюдечке с голубой каёмочкой! Хотим модельные сапоги, как у Джинны Лоллобриджида! Хотим костюмы из Парижа! Давайте сюда колбасы со рока разновидностей, пускай и не по ГОСТу, и с пальмовым маслом, и с саркомообразующими красителями — неважно! Ради этого мы можем и от будущего отказаться! Башня рухнула. Всем ли стало лучше?

А лучше ли стало тому, кто рванул от хорошей, но приевшейся жены?

Бессмысленные вопросы без ответов. Ответ здесь только один: человек не может без перемен. Он готов на худшее, но нипочём не успокоится на достигнутом. Такова его природа. Хорошо это или плохо, главное — это факт, это реальность нашей психологии и образа мыслей. Зря эту реальность никогда не учитывают те, кто стоит у руля. Почему-то «культурные» посты всегда отдают своим оппонентам: на, мол, боже, что нам негоже, а мы возьмём портфельчики финансов и экономик. А потом, умники, получают на свою голову очередной майданчик для детишек, пусть их порезвятся. Да прости мне автор эти сравнения, которые, насколько я понимаю, насколько не задумывались им, когда он писал о Башне, ибо тогда у него

не возникло бы стихов на букву Ц:
«Цель хороша. Да средства — никуда... // Хотели побыстрее, а когда // Дошли до Цели — ноги отказали; // По людям шли, давили и топтали. // А тех, кто против, загоняли в щель. // Что люди, если ждёт возвышенная Цель!». Правда, эти строки куда больше подходят временам до Брежнева. Но я понимаю, загубленные жизни пекут под сердцем, как стучит пепел отца под сердцем Тиля Уленшпигеля. Слишком по многим семьям эта борона прошла, не меньше, чем Отечественная война. И потому преступления другого времени мы автоматически, не думая, переносим на само государственное устройство. А ведь задумывалось-то оно справедливо...

Видимо, всё-таки не с вооружённых переворотов начинать нужно, а с переустройства мозгов, если можно так выразиться. Иначе так и будем от плохого к ещё более ужасному бегать. «Но мы дошли! Зато мы победили... вот только ноги до костей сносили», — иронизирует автор. — Вот только точно такими же словами иронизируют и те, кто, в отличие от поэта, готов перевернуть историю и смешивать с дерьмом нашу Победу. Для поэта она — святое. Для фальсификаторов — как красная тряпка для быка. А слова иронии совпадают до буквального! «Зато вы победили!» — с издёвкой произносят 9-го мая и они. И случилось так именно потому, что изначально все уравнили идею и социальный строй — со внутренней политикой определённого исторического периода, хотя, если

задуматься, то это разные вещи. Нет, всё-таки, чтобы задуматься, сначала надо научиться думать самостоятельно. Не толпами. Мы так пока не умеем. Так почему тогда рвётся из глубин души стон-плач о потерянных поколениях? «Если // Не поёте вы русские песни // Дитятке своему пред тем, как свет загасить и во тьму // ночную отпустить его нежную душу, // Тогда в его уши // Птеродактили налетят из неведомых стран, // Бесы во сне станут наборматывать всяческий стыд и срам... // Приманывая к дитятке, что негоже...» Вон какие огромные ухабы из супергиперметрий вырастают, когда душа о детях болит... А начиналась-то иноземная бесовщина, буквально одержание всем заморским, ещё когда все повально увлекались тайным прослушиванием «Радио Свободы» и дружно осуждали тех, кто не понимал, почему диссидентство и отказ от общей Родины — это хорошо. Но ведь насколько же чаще диссидентство — это просто состояние души человека-борца, пассионарной личности, которая просто не может без борьбы существовать. И если общество, в принципе, благополучно, они сами выдумывают для себя цель, к которой можно устремиться и позвать других, а то и подбирают какой-нибудь подходящий повод из жизни. Повод был? Конечно. Поводы есть всегда и везде. Только диссиденты на Западе ограничены драконовскими мерами, и им громче не пикнуть. А наши... Что теперь уж! Закон цепочки... «Денег негодьям достаёт на всё: // И на то, и на сё, //

И на пятое, и на десятое, // Готовы прикупить даже Распятого! // Хватает на бланманже // И на женское неглиже. // Но только улыбки доброй на осаленные уста // Им не дано прикупить ни черта...» Иронизируем над богатенькими? А что нам ещё остаётся! Сами же их себе на горб и посадили в 91-м. «Бачили очі, що купували? Тепер їжте — хоч повилазьте!».

Азбука, азы... А ведь нам, таким взрослым и умным, ох как не хватает азбучных истин о жизни! Вот и не складывается порой судьба... Потому и нужна поэзия. Нет, не для того чтоб позвенеть бубенчиками красиво составленных фраз. Тем более что у большинства населения слух на подобный ультразвук ещё не настроен. Многие ли любят стихи, наслаждаются ими, получают от них эстетическое удовольствие? Вот вы сами и ответили. А в детстве — детские, короткие, звонкие и мудрые стихи — любят все. И азбука истин для взрослых у Павла Рыкова именно такая, как те наши любимые стихи из детства. А то, что она у него ещё и не проста, а мастерски выразительна, нам, взрослым, не мешает. Мы уже доросли и до кое-каких поэтических «штучек» и воспринимаем даже их. А если и не замечаем, как в случае с «осаленными устами», так всё равно нам это по ушам не ездит. А что с «осаленными» не так? Да всё так, даже наоборот — это сногшибательный приём. Автор обыгрывает звучание данного слова, вкладывая в него совершенно другой смысл — не тот, что в словаре, а «помазанные салом». Загляните в академический

словарь — «осаленный» имеет отношение только к игре в салочки, осаленным называют того, кого догнали и коснулись. Мастерский каламбур у Рыкова, просто блеск! «Русь милая! // Ужели ты мертва? // Так буря рушит наземь дерева. // Был бор с картины, а теперь — дрова. // Как вороньё, слетелись лесопилы; // Восторженно звенят блистающие пилы. // Осталось рассчитать, разметить, распилить // То, что Господь нам завещал хранить». Лесопилы, если кто-то не понял, это лесорубы. Ещё один пример обыгрывания, каламбура. Явление, которое его вызвало, увы, тоже один к одному отвечает закону цепочки. Сначала дай свободу предпринимательству, а потом только ахай да рот разевай в растерянности, когда предприниматель наш, такой талантливый, уж настолько широко развернулся, что готов ради прибыли всё до корня срубить и продать, общую землю у рек и морей захватить и отгородить каменными заборами, шедевры старинной архитектуры выкупить и перестроить под типовые современные проекты бизнес- и развлекательных центров, а потом перевести денежки в офшоры и спокойненько осесть навсегда на Багамах-Карибах.

Этого мы хотели? За это мы бо-ролись? Как же не за это! Мы же пример с кого брали, с Запада? Там же хорошо и культурно? Вот те, кто сверху, грабанут что можно — и драпанут, и будут жить «хорошо и культурно».

А-а, так и вы так хотите? Ну извините, так не бывает, на всех никогда

не хватит. Выигрывают всегда, во все времена и при любом социальном строе (кроме того, который когда-то всё-таки будет, но нам не дожить) — выигрывают немногие. Но ведь чтобы это понять, надо было сначала Башню свалить! Так что — свалили не зря. Хотя на чуть-чуть, совсем незаметно, но, может, поумнели. Как говорится, жизнь идёт, и мы растём над собой. «И река теперь чья-то, и чужие обсели её берега. // Наш ли запах черёмухи над прохладной водою? // Разъяли. Как волки, загрызли страну. Мы проглядели врага, // Что по-хански воссел над тобою и мною». Гиперболу — оценила. Хороша! «Наш ли запах черёмухи над прохладной водою?» А о врагах что уж, если «по людям шли, давили и топтали, а тех, кто против, загоняли в щель!» Это сейчас «враги», а тогда были не враги, а сплошь «невинно пострадавшие», которые выступали за социальное уравнивание, отказывались добровольно от своей собственности, с радостью принимали коллективный способ обрабатывания земли, не по клочку и не своими силами, а чтобы сразу целые поля — тракторами и комбайнами? И с радостью на это шли, и всеми силами этому способствовали?! Ребята, давайте не будем пристрастны, привлечём логику. Кто и где отдавал своё без сопротивления?! Кто и где сопротивление не подавлял, если стоял у руля? Ну, пролистайте хотя бы учебник истории зарубежных стран за XV-XVIII века! Нет, насильно счастье дать нельзя, согласна. Не надо никого осчастливливать. Не стоит

жизнь этого. Ни насильного счастья так и не построенного до конца социализма не стоит, ни насильного счастья какой-то определённой религии (протестантства или католичества — помните гражданские войны в Великобритании XVI века по этому поводу?), ни насильного счастья навязывания давно вымечтанной кем-то независимости не стоит (хотя бы потому, что независимости не бывает, и мы все зависимы, даже «независимые» страны Европы зависят от США).

И насильного счастья переучивания на родной язык тоже не стоит — переучивать можно только молодёжь, а нас можно только похоронить. И то — насильно. Так что выбирать надо — или «по людям идите, давите и топчите, а тех, кто против — загоняйте в щель» и объявляйте врагами. Или уж честно признайте, что просто хотели победить и сделать не так, как намечтала себе кучка большевиков-фантазёров, а как на Западе, и что ради этого готовы повторить их «подвиг» 30-х годов. «Вперёд! А на войне, как на войне! // А лес рубить — не обойтись без щепок! // А рубят головы — топор остёр и крепок!»

Ну, а одностишие на букву О — вообще в самую тютельку: «Оплёвывать проще, нежели славословить». Ни прибавить, ни убавить, и объяснять не надо.

Азбучные истины. А для нас они звучат так незнакомо, так странно и подозрительно. Так, может, всё-таки нужна азбука для взрослых, а? «Я справедлив! — Меня пристраст-

ней нет... // Готов помочь! Но ску-
пость сердце гложет... // Совета ждущу!
— Плевать на ваш совет... // Уверен
я! — Но говорю: «Быть может»... //
Бессмертен я! — Но скоро скажут:

«Был». // Я враг любви! — Я полюбил
навсегда... // Хозяин слову! — Посулив,
забыл... // Я — Человек! — Все-все мы
человеки».

2-3.07.21